

В книге Т. Л. Щепкиной - Куперник «Ермолова» («Искусство», серия «Жизнь в искусстве») автор воссоздает жизненную и творческую биографию великой актрисы, знакомит с ее окружением, вводит в ее внутренний мир. Подробно описаны дебют Марии Николаевны Ермоловой в «Эмилии Галотти» Лессинга, роль Иоанны д'Арк в «Орлеанской девице» Ф. Шиллера, образы в пьесах А. Н. Островского, выступления в концертах.

ЕРМОЛОВА

СЕМЬЯ Ермоловых из поколения в поколение так или иначе была при театре. Сперва при крепостном театре, затем — уже в Москве, в Малом и Большом. Кто из них — в ком искра таланта — был актером, танцевал в кордебалете, играл в оркестре, кто — служил при гардеробе, но театральным воздухом дышали все, в театре видели и главный интерес, и кусок хлеба, и весь смысл жизни.

Я приведу прекрасную страницу из воспоминаний покойного Н. Эфроса — биографа и горячего почитателя Ермоловой, написанную им по личным воспоминаниям.

«Бывали поразительные сцены, когда Ермолова читала на концертах у студентов. Преграда рампы падала — и была героиня, и ей покорная толпа, для которой ее слова — закон, у которой — звонкий отклик на каждое движение души.

Гудит море молодых голов... А впереди на возвышении — Ермолова. Бледная, в черном, с тихой, точно немногo виноватой улыбкой.

Я вижу эту протянутую, как сигнал к тишине, руку. И море замерло. И гудит над ним металл могучего голоса, и бьет, как молот, по сердцам, выбивая искры восторга и гнева.

Был январь 1878 года. Только что умер Некрасов. На эстраде Ермолова. В руках ее том в палевой обложке — «Отечественных записок».

«Смолкли поэта уста
благородные...

Плачьте, гонимые, плачьте,
голодные...

Плачьте, несчастные,
сырые, бедные...».

И Ермолова зарыдала. Частые слезы падают, падают из глаз на страницу журнала... И с ней зарыдала вся зала вслух. И артистка, и зала опустили в могилу того, кто был властелином их дум, чьи «песни, поющие муки народные, по сердцу бьющие» были и для той, и для другой высшим поэтическим откровением. Это был похоронный марш. И под его звуки получала новое крещение слава Ермоловой».

Когда я вспоминаю Сару Бернар, ее роскошную мастерскую, где она в мужском костюме лепила статуи, гроб, в котором она спала, блестящие вечера, великолепиям напоминавшие римские оргии времен упадка, даже когда я думаю о М. Г. Савиной, с ее художественно обставленным особняком и целым маленьким двором поклонников, «собственных» авторов и «ручных» критиков, с файво-клоками, на которых бывали министры и великие князья, — мне даже странно восстановить в памяти жизнь Марии Николаевны.

Главным, отличительным свойством обстановки Марии

Николаевны была простота. Комнаты ее почти ничем не выдавали актрисы: ни традиционных лавровых венков по стенам, ни афиш, ни витрин с ее портретами, — разве бюст Шекспира, гравюра, изображавшая «Орлеанскую деву», да портреты Шиллера и других любимых писателей. Немало еще было портретов иностранных знаменитостей с автографами, по которым можно было судить, как они высоко ставили Марию Николаевну.

Обстановка была более чем скромная: ни красного дерева, ни карельской березы, никакого стиля — вещи покупались, потому что были нужны или удобны. Нужен был удобный диван — он стоял у печки. Шкафы заключали в себе книги, которые читались и перечитывались. Занавеси защищали окна, чтобы не дуло. Но стиль всегда был разнородный, случайный — ничего показного, ничего, чтобы произвести впечатление на входящего: в нем все носило глубокий смысл необходимости находящихся там вещей, при равнодушии и ним владельца. Такой же характер обстановки я заметила у Станиславского в кабинете да еще в Доме-музее Льва Толстого в Хамовниках — в нем чувствовались случайность, самоуглубленность и полная независимость хозяев от вещей. И от этого получался свой собственный стиль, полный своеобразного уюта.

Мария Николаевна вообще не любила вещей и не придавала им никакой цены. Никогда у нее не было никакой «страсти коллекционирования». Только разве изображения Иоанны д'Арк во всех видах: статуэтки, бронза, гравюры, рисунки.

Комнаты были бы даже строги в своей простоте, если бы не цветы, которые очень любила Мария Николаевна и которые ей посылали и приносили до последнего дня.

В этих простых, строгих и тихих комнатах шла и жизнь простая, строгая и тихая. Никакой суеты, никаких интервьюеров, фотографов, всего, обычно сопровождающего жизнь «звезды», не было там. Журналистов Мария Николаевна вежливо, но решительно отклоняла, по телефону говорила неохотно. Одевалась в жизни очень просто, только всегда от всех ее вещей веяло тончайшим, нежным запахом духов — сперва это была «Дафне», потом фиалка. И теперь еще иногда, когда возьмешь в руки когда-то принадлежавший ей платок, кружево, — так и повеет этим слабым «ее запахом», пережившим ее и уцелевшим от прошлого...